

Буйство гормонов заканчивается с рассветом. Ночь же всегда являлась временем для ненасытных жеребцов. Навсегда охваченные демоническим безумием их безобразные отростки увеличиваются и покрытые гноем стремятся попасть кобыле во влагалище. Ядовитая слизь, раз за разом появляется на распухшей головке, словно её укусил шмель, и теперь она пребывала в болезненно — опухшем состоянии. На днях кобыла стала беспокойнее, и Саурон сказал управляющему конюшней орку.

— Родит она скоро. Однако Гурда всё же пусти к ней утром. Утром управляющий Хызы Батон, пошёл в конюшню и увидел стоящую неподвижно Гринель.

— Ох блять, ты рожать что ли собралась — посмотрел на позу самки орк. Вообще Батон он был умственно отсталый, и ему было похуй, раз сказал Хозяин Гурда пустить к Гринель, значит надо пустить. А Гурд уже выпустил своего змея наружу и, похрапывая, чуя самку, вошёл в стойло. Орк отступил назад и продолжил наблюдать за лошадьми.

Вот сейчас ни как Гринель было не до стремительно твердеющей плоти. Она чувствовала, как плод шевелился, и части тела выходили из матки. Жеребцу же было всё равно. Твёрдая плоть налилась кровью, пенис распух и покрылся слизью. Чёрный демон желал засадить самке, и, обнюхав её бока, навалился на неё, обхватывая ногами толстые бока самки. Гринель резко заржала обезумев. Не ужели эти монстры и сейчас не оставят её в покое? Неужели когда она готова рожать её будут трахать? Липкая головка бешено тыкалась в попытках зайти в заветную щель. Жеребец упёрся своим членом в промежность, и головка скользнула по лепесткам набухших губок. Однако обилие слизи и соки рожавшей кобылы сделали затруднение, и пенис скользил и не попадал в лоно. Грибовидная залуца вновь упёрлась в ляжку и стала тыкаться в половые губы.

Наконец Гурд сумел попасть в цель, и головка проникла во влагалище. Ай да Хызыл Батон... он смотрел на то как гурд вогнал пенис в кобылу которая должна вот вот родить. Правда, трахал он её недолго. Саурон минут через 15 разогнал собравшихся в круг похотливых орков и вывел Гурда. Тот был явно недоволен. Гринель оставили в покое. Кобыла с безразличием ко всему стала тужиться, пытаясь выгнать плод наружу и избавиться от того, что в ней было все эти долгие месяцы. Плод выходил плохо и невероятно больно растягивал её писечку. Неужели такое бывает или это сон? Подумала Гринель. Это были её первые роды.

Фаромир же разглядывал, свои грубые руки и пытался понять, что кровь на них теперь будет сниться ему каждую ночь. Он сжал зубы, вспоминая, как перерубал пуповину, как успокаивал Эовин. Да она родила малыша, это был мальчик. Это был сын Гнили, сын грёбаного гримы Гнилоуста. Теперь его оплод появился на свет. Теперь в мире всё перевернулось и завертелось снежным вихрем.

— Я пойду, принесу воды — сказал Фаромир после 3 часового периода после родов. Всё это время он был с Эовин. Не отходил от неё. Теперь стоя посреди гор, он чувствовал, что гремучие слёзы текут по его щекам, чувствовал, как снежные хлопья падают ему на голову и остаются на ресницах. Был бы у него яд, он бы отравился тут же... а может?... Да нет! Нет... хотя... это же Гниль, это его ребёнок! Убить этого монстра, что вылез из Эовин, вот какая мысль засела в его голове. Штопаный носок понимал, что нужно изжить со свету ребёнка,

младенца который отравляет ему жизнь и не даёт дышать. Он представил, как ристанийка кормит его грудью, как прикладывает его к нежной пухлой груди и ребёнок сосёт, сосёт её грудь, её молоко.

— АААААААААААААААА — в бессилии то ли завыл, то ли закричал Фаромир ударяя кулаком о камни, рассекая плоть до костей.